

THE PARTY POSITION

AND THE FUTURE

К 110-летию со дня рождения Арсения Тарковского

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Выдающийся русский поэт Арсений Александрович Тарковский родился 12 июня 1907 года в городе Елисаветграде Херсонской губернии. Отец будущего поэта – Александр Павлович Тарковский (1862-1924) был служащим Елисаветградского Общественного банка, внештатным журналистом местных газет. В начале 80-х годов являлся одним из организаторов народовольческого кружка, за что был сослан на пять лет в Восточную Сибирь. Мать – Мария Даниловна, урожденная Рачковская (1867-1944), была учительницей.

Начинающий поэт вместе с отцом посещает в 1913-1914 годах поэтические вечера Игоря Северянина, Константина Бальмонта и Федора Сологуба, а в 1925 году поступает в Москве на первый курс Высших Литературных Государственных курсов при Союзе поэтов. И здесь знакомится с поэтом и теоретиком стиха Георгием Александровичем Шенгели, который во многом определил дальнейшую судьбу поэта и переводчика, хотя после прочтения в Ленинграде своих ранних стихов известному мэтру Федору Сологубу молодой поэт услышал в ответ неутешительный вердикт: «У вас плохие стихи, молодой человек, но не теряйте надежды, пишите, возможно, у вас что-нибудь и получится».

В эти годы А.Тарковский начинает сотрудничать в газете «Гудок» как автор судебных очерков и стихотворных политических фельетонов, сотрудничает он и в журнале «Прожектор». В один из дней 1931 года на квартире Рюрика Ивнева молодые поэты Н.Берендгоф, А.Тарковский, А. Штейнберг читают свои стихи Осипу Мандельштаму. В эти же годы А.Тарковский работает на Всесоюзном радио и, возможно, под влиянием ярого экспериментатора поэтической формы в жестких рамках зарождающегося «соцреализма» Ильи Сельвинского пишет поэму «Стекло», которая транслируется по Всесоюзному радио 3-го января 1932 года. В этот же год, 4-го апреля, в семье Тарковских родился сын Андрей, в будущем ставший великим кинорежиссером второй половины двадцатого столетия.

Г. А. Шенгели, являясь сотрудником отдела издания литератур народов СССР, привлекает к работе над переводами молодых поэтов, в числе которых были С. И. Липкин, М. С. Петровых, А. А. Тарковский, А. А. Штейнберг, Л. А. Озеров. С этих пор высокопрофессиональные поэтические переводы Арсения Тарковского стали основой его литературной деятельности, зачастую «эксплуатирующую его версификаторские возможности в ущерб оригинальному творчеству поэта».

В канун войны Тарковский знакомится с Мариной Ивановной Цветаевой, посвящает ей цикл стихотворений. Несмотря на то, что медицинской комиссией он признан негодным к воинской службе, Арсений Тарковский неоднократно обращается в Секретариат Союза писателей с просьбой отправить его в действующую армию, на фронт, и в конце декабря 1941 года получает назначение в редакцию газеты «Боевая тревога». Как военный корреспондент находится на передовой и принимает участие в военных действиях Московского, Брянского и Первого Балтийского фронтов. В 1943 году в звании капитана получает тяжелое ранение и в военном госпитале переносит ампутацию правой ноги... В победном 1945-м готовит книгу своих стихов для издательства «Советский писатель», однако после известного постановления ЦК ВКПб «О журналах «Звезда» и «Ленинград» матрицы первой книги «Стихотворения разных лет» уничтожаются, и первая книга стихотворений Арсения Тарковского «Перед снегом» выходит только в 1962 году в том же издательстве «Советский писатель» тиражом 6000 экземпляров.

В печально знаменитом 1946-м в доме Г. А. Шенгели и его жены, поэтессы Н.Л.Манухиной, Тарковский знакомится с Анной Андреевной Ахматовой, а в последующие годы по несколько месяцев живет в Ашхабаде, Фрунзе, Ташкенте и в Нукусе, плодотворно работая над переводами произведений классика туркменской литературы Махтумкули и тюркоязычным эпосом «Сорок девушек».

27 мая 1989 года Арсений Александрович Тарковский скончался в Москве, в Кунцевской больнице. В том же году, в ноябре, постановлением Правительства СССР поэту посмертно присуждается Государственная премия.

Арсений Тарковский, несмотря на «*адову эпоху*» второй половины двадцатых годов и последующих лет прошлого столетия, сохранил во всем своем образе жизни и, в первую очередь, в своем поэтическом творчестве великое благородство в становлении своего независимого творческого мира и поэтического дара, причем это благородство не напускное, не внешнее, а глубоко внутреннее, на «*молекулярном уровне*», в силу природной интеллигентности творящее тот самый свой несравненный лирический микрокосм, который, по утверждению Юрия Кублановского, автора предисловия к одному из посмертных изданий А. Тарковского, не исчезнет, пока существует поэтическая словесность: *«С органическим мастерством и упорством выбирал он из хаоса лирически совершенную речь, существующую, кажется, изначально, но по-новому фокусируемую в реальность каждым настоящим поэтом. Ведь стихотворчество не столько рождение, сколько высвобождение организованной речи: как скульптор, убирая лишнее, организует породу каменной глыбы – в форму, так стихотворец очищает слово от наносов небытия»*.

Откуда идет это благородство, ведь не на пустом месте оно возникло в «суровое время симбиоза нэпмановской пошлости, с новой идеологией

относительно свободы предпринимательства, с застенками ГПУ, в «самый двусмысленный и фальшивый», по утверждению Б. Пастернака, период? Откуда это благородное отчуждение музой А. Тарковского всего того, что являлось наносным, включая и всевозможные «измы»: авангардизм, конструктивизм, социальный заказ?.. Это все, чуть тронув лирику поэта в начале его творческого пути, им же и отвергалось, не находя своего места в лирической Вселенной поэта. А ведь был соблазн, да еще какой – перевести (разумеется, по указке свыше) «грузинские стихи» Кобы, и, по одной из версий или легенд, эти переводы, якобы, даже существовали, но по неизвестной причине так и не увидели свет. (И, как говорится, слава Всевышнему, что миновала «сия чаша» поэта, а следовательно, и нас, его благодарных читателей.)

Думаю, что внутренняя свобода творчества, когда муза поэта на десятилетия была отлучена от читателя и слушателя, берет свое начало от кровных и родовых связей. Корень фамилии Тарковских берет свое родовое начало в нынешнем Дагестане. Тарковский шевкал (или шамхал) Адильгерей – правитель кумыков или «крымшах». Крым – местечко в Дагестане на реке Алазань, впадающей в Куру, а Тарки – небольшой город с крепостью, расположенный на торговом пути из Поволжья в Закавказье и Иран, резиденция шевкала. Об этом можно прочесть у русского историка Сергея Михайловича Соловьева в главе «Петр Великий на Каспийском море». О происхождении своей фамилии не раз говорил и сам Арсений Тарковский, называя это семейной легендой и «охранной грамотой».

Творчество Арсения Тарковского оказало неоценимое влияние на поэтов моего поколения. Вспоминаю свою учебу на Высших литературных курсах в Москве в начале восьмидесятых. Однажды на наш поэтический семинар, который вели поэт Александр Межиров и критик-литературовед Станислав Лесневский, пришел Арсений Александрович. Некий божественный свет исходил от самого чтения стихов поэта. Обычно при визите известных поэтов Москвы на наш семинар, будь то А. Вознесенский, Е. Евтушенко, К. Ваншенкин, С. Поделков и другие, мы, семинаристы, не только слушали, но и читали свои стихи. А здесь, не сговариваясь, отказались от подобного чтения, несмотря на просьбу Арсения Тарковского, и слушали только его, поэта, интонация которого была впитана нами задолго до этого, может быть, со времени легально-полулегального показа фильма его сына «Зеркало». В этот вечер Арсений Александрович, помимо чтения стихов, много говорил об украинском философе и поэте Григории Сковороде. Чувствовалось, что поэт в то время жил этим. С улыбкой показал новую книгу своих стихов, только что вышедшую в издательстве «Современник»; где художник изобразил поэта чуть ли не в «толстовке». Ласково спрашивал нашего мэтра, Александра Петровича Межирова: «Саша, может, достаточно?..» На что руководитель семинара, видя притихшую аудиторию, только разводил руками.

Выход первой книги стихов Арсения Тарковского счастливо совпал с

триумфом фильма его сына, кинорежиссера Андрея Тарковского, «Иваново детство», за который он в 1962 году получил Гран-при Венецианского кинофестиваля. Не знаю, быть может, пресловутая «хрущевская оттепель» тому виною, но 1962 год был поворотным и в судьбе поэта, и в судьбе его сына. Затем были «Андрей Рублев», «Солярис», «Сталкер» и, разумеется, «Зеркало». Убежден в том, что далеко не случайностью и не прихотью режиссера-мастера стало само присутствие стихов поэта в этом фильме. И даже не присутствие, а впитывание этих стихов тканью экрана. Это несколько не фильм-альбом, это, скорее всего, фильм-книга. Родовая книга фамильного гнезда, когда бытие воспринимается и ощущается слушателем и зрителем в *«нерасторжимом единстве, а личность лирического героя – как микромир, вмещающий в себя все элементы: от космических до глубоко кровных и родовых»* (Ю.Кублановский). Я бы еще добавил, что создатель «Зеркала» остался верен мировосприятию отца-поэта:

...Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людей и птиц, я пел со всеми вместе
И не покину пиршества живых –
Прямой гербовник из семейной чести,

И здесь уже присутствует вышедший из фамильной легенды-были образ той самой русской интеллигенции, которая всегда была проста по своему житию и всегда была и остается великой по своему творческому и созидательному содержанию.

Когда летом 1976-го фильм «Зеркало» без афиш и без рекламы впервые показали в Алма-Ате в кинотеатре «Алатау», известный кинооператор Михаил Федорович Аранышев, имеющий в своей творческой судьбе много черт, схожих с теми, о которых говорилось выше, сказал мне, глядя на многочисленных людей, идущих к дверям кинотеатра: «Есть некий нерв в нашем обществе, который в мгновение ока дает о себе знать. Даже если бы этот фильм показывали только в каком-нибудь районном центре, люди все одно узнали бы об этом... И устремились бы туда».

Думаю, что само незабываемое восприятие фильма очень образно показал поэт Бахыт Кенжеев, в то же самое время написавший свое посвящение Арсению Тарковскому и испытывавший в своем раннем творчестве божественное влияние его поэтической музыки.

Пощадили камни тебя, пророк,
в ассирийский век на святой Руси,
защитили тысячи мертвых строк –
перевод с кайсацкого на фарси.

Фронтвик, сверчок на своем шестке

золотом, поющий что было сил,
в невозможной юности, вдалеке,
если б знал ты, как я тебя любил,

если б ведал, как я тебя читал –
и по книжкам тощим, и наизусть,
по Москве, по гиблым ее местам,
а теперь молчу, перечесть боюсь.

Царь хромой в изгнании. Беглый раб,
утолявший жажду из тайных рек,
на какой ночевке ты так озяб,
уязвленный, сумрачный человек?

Остановлен ветер. Кувшин с водой
разбивался медленно, в такт стихам.
И за кадром голос немолодой
оскорбленным временем полыхал.

В этом году исполнилась очередная юбилейная дата со дня рождения
Арсения Тарковского. Я рассматриваю эту свою статью, как дань глубокого
уважения к человеку, отдавшему большую часть своего поэтического
творчества классическим переводам восточной поэзии.